

УДК 94.(470+571)

Баранов А. В.

Изменения этнической структуры населения Крыма в постсоветский период: дрейф идентичностей и миграционные процессы

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
Российская Федерация, г. Краснодар
e-mail: baranovandrew@mail.ru

Аннотация. В статье интерпретированы изменения численности и географии проживания народов Крыма в постсоветский период. Теоретической основой работы выбрана парадигма конструктивизма. Аргументирована зависимость численности основных этнических групп от конструирования коллективной идентичности, от межэтнических дистанций, от государственной политики. Раскрыто влияние различий уровня урбанизированности народов на их этничность. Выявлены причины резких колебаний численности украинцев в Крыму за 1989–2014 гг.

Ключевые слова: этническая структура населения, изменения, Крым, идентичности, миграции, постсоветский период.

Введение

Изменения этнической структуры населения Крыма всегда были важным аспектом межэтнических отношений, неразрывно связанным с конкуренцией за экономическое, политическое и социокультурное влияние на полуострове. Воссоединение Крыма и России повысило значение этнодемографических факторов в обеспечении межэтнического мира. Возрастает актуальность объективного исследования этнической географии Крыма в постсоветский период её развития. Необходим географический анализ изменений этнических ареалов народов Крыма, выяснение влияния пространственных факторов на уровень политической конфликтности и дислокацию «болевых точек» в полиэтническом крымском сообществе.

Цель работы – установить политические последствия изменений численности и географии проживания народов Крыма в постсоветский период на основе парадигмы конструктивизма в этнополитологии.

Источниковая основа статьи включает в себя опубликованные результаты переписей населения 1989, 2001 и 2014 гг. в аспекте этнической и языковой структуры [1; 2; 3]. Также исследованы материалы массовых анкетных опросов, позволяющие выявить в динамике соотношение этнической, языковой, конфессиональной и национальной идентичностей. Интерпретированы опросы, проведённые Украинским центром экономических и политических исследований им. А. Разумкова (2008 и 2011 гг.) [4; 5], ВЦИОМ и Институтом социологии РАН (октябрь 2015 г.) [6], Независимым содружеством социологов «Открытое мнение» (апрель–июнь 2016 г.) [7]. Проанализированы карты географии народов Крыма, основных конфессий, проявлений этнополитических конфликтов.

Географическая школа исследований этнических процессов сложилась в Таврическом национальном университете им. В. И. Вернадского (ныне – Крымский

федеральный университет им. В. И. Вернадского) во главе с Н. В. Багровым [8, с. 85–122]. Ключевые работы о географии этнополитических и конфессиональных конфликтов создали А. Б. Швец [9, с. 277–282], А. Г. Шевчук [10, с. 64–75], А. Н. Яковлев [11, с. 43–50]. В их работах картографированы проявления конфликтов, обоснована причинно-следственная модель развития конфликтов и концепция их регулирования. Кратко отражён политико-географический аспект в «Атласе Автономной Республики Крым» [12, с. 45–51], в статье географа Р. Ш. Меметовой [13, с. 105–110] и монографии социолога Э. С. Муратовой [14, с. 152–162, 195–200]. В период воссоединения Крыма с Россией самым глубоким исследованием темы следует признать коллективную монографию Н. В. Киселёвой, В. П. Петрова, А. В. Мальгина и А. А. Форманчука [15, с. 175–260]. Новые подходы содержит статья Д. И. Узнародова [16, с. 60–66]. Но внимание к политико-географическим аспектам этнических процессов в современном Крыму снизилось, по крайней мере в открытых аналитических изданиях. На восполнение этого пробела и направлена статья.

Материалы и методы

Методологией исследования выбран социальный конструктивизм, дающий возможность трактовать этнические группы как объединения, основанные на представлениях индивидов о своей культурной общности и отличиях от других групп. Маркерами этнических групп чаще всего выступают идентичность (самосознание), язык, религия, представления об исторических традициях и «символах гордости». Статья применяет картографический метод, региональную парадигму в политической географии. Автор применяет центр-периферийный подход для выявления ареалов расселения русских, украинцев и крымских татар в соответствии с принципами историзма и экономико-социальной детерминации этнических явлений. Ареалы расселения различных народов не являются изолированными, а входят в качестве компонентов в полиэтничное и поликонфессиональное пространство Крыма. Это обязывает применить системный подход. На уровне эмпирических методик проведён вторичный анализ опубликованных итогов социологических опросов.

Результаты и обсуждение

Крым – многосоставное сообщество, он развивается на фронтире между западной, православной и исламской цивилизациями. В таких поликультурных регионах соотношение национальной, региональной, этнических и конфессиональных идентичностей неустойчиво и конкурентно, что порождает тенденцию конфликтности. Этническая и конфессиональная идентичность могут стать одним из факторов риска для интеграции общества либо могут мирно сочетаться с национальной, общероссийской идентичностью.

Крым всегда был полиэтничным и многоконфессиональным. Ни одна из его этнических групп не является автохтонной. Часто менялся политический статус региона, что влекло за собой ломку этностатусной иерархии народов. Всесоюзная перепись населения (январь 1989 г.) зафиксировала в Крымской области (включая г. Севастополь) постоянное население в количестве 2430,5 тыс. чел. Среди них преобладали русские – 67,05 %, украинцы – 25,75 %, белорусы – 2,06 %. Крымские

татары составляли 1,58 % населения, татары – 0,44 % [1]. Перепись 1989 г. отразила исходное состояние этнодемографии Крыма к началу репатриации крымских татар, армян, болгар и других реабилитированных народов.

Качественно иное состояние зафиксировала Всеукраинская перепись (декабрь 2001 г.), состоявшаяся в условиях почти завершённой репатриации. По итогам переписи 2001 г. русские составляли 60,2 % совокупного населения Автономной Республики Крым (АРК) и г. Севастополя, украинцы – 23,9 %, а крымские татары – 10,2 % (см. табл. 1) [2]. Важны различия этнической структуры двух административных единиц. Население АРК составляло 2033,7 тыс. чел., в том числе русские – 58,5 %, украинцы – 24,4 %, крымские татары – 12,1 %, белорусы – 1,5 % (всего проживало в АРК 125 этнических групп) [2]. Население г. Севастополя составляло в 2001 г. 377,2 тыс. чел., в том числе русские – 71,6 %, украинцы – 22,4 %, белорусы – 1,6 %, крымские татары – 0,5 % (всего проживало более 97 этнических групп) [17]. Количество украинцев превышало организаторами переписи 2001 г.

Материалы переписи 2001 г. подтверждают сосредоточение русских прежде всего в крупных городах, а украинцев – в сельских районах и малых городах, прилегающих к Перекопскому перешейку. В сравнении переписей 2001 и 2014 гг. очевиден рост численности назвавших себя русскими при резком и почти повсеместном снижении удельного веса украинцев. Учитывая незначительность миграционных обменов между Крымом и Украиной с марта 2014 г., можно уверенно говорить о смене этнической идентичности того же постоянного населения, которое в 2001 г. сочло себя украинцами.

Важный фактор – взаимное усиление этнической и религиозной идентичности. Это подтверждает концепцию многосоставного общества. 97,8 % татар считали себя мусульманами, а 85,1 % украинцев и 84,9 % русских – православными, судя по массовому опросу 2008 г. [4, с. 4].

Языковая ситуация значительно отличалась от этнической. Считали родным языком русский 79,1 % жителей региона, украинский – 9,6 %, крымско-татарский – 9,6 % [2]. Наиболее консолидированной в лингвистическом отношении выступает группа русских. Татары на втором месте, а наименее консолидированы украинцы. То есть в Крыму шла добровольная ассимиляция украинцев русскими, вопреки навязыванию «державной мовы». Уровни модернизированности русского и украинского сообществ качественно выше, чем татарского в силу уровня урбанизации. В Крыму русская этническая идентичность не совпадала с языковой идентичностью, а считали себя русскими по языку не только русские по происхождению, но и многие украинцы, белорусы, евреи, греки, поволжские татары и др. Для них русские исторические «символы гордости» и язык общения более привлекательны, чем украинские.

Опрос, проведенный Центром им. А. Разумкова в феврале–марте 2011 г. (выборка 2020 чел.), доказал неравномерность межэтнических дистанций по шкале социальной дистанции Э. Богардуса. Самый низкий уровень дистанции крымских русских – относительно крымских украинцев (2,11), жителей Юга и Востока Украины – 2,89, жителей РФ – 3,11, жителей Центра Украины – 3,12. Наиболее высок уровень дистанции в отношении крымских татар – 3,97 балла, жителей Запада Украины – 4,54, турок – 5,60 и цыган – 6,02 балла. Уровень дистанции между русскими и татарами (4,22 балла) почти не отличался от такового между украинцами и татарами (4,10) [5, с. 29].

Таблица 1.

Этнический состав населения муниципальных образований Республики Крым и г. Севастополя по материалам переписей 2001 и 2014 гг.
(в % от всей численности жителей)

Муниципальные образования	Русские, 2001 г.	Русские, 2014 г.	Украинцы, 2001 г.	Украинцы, 2014 г.	Крымские татары*, 2001 г.	Крымские татары*, 2014 г.
Бахчисарайский	54,3	56,5	19,6	12,9	21,3	27,7
Белогорский	49,2	52,6	16,2	10,1	29,2	34,4
Джанкойский	38,9	46,1	33,8	23,5	21,6	26,1
Кировский	50,5	51,9	17,6	10,7	25,5	33,3
Красногвардейский	48,7	54,3	27,3	19,0	16,7	21,8
Красноперекопский	33,2	41,3	43,4	32,5	17,2	21,6
Ленинский	54,8	64,1	15,5	15,2	29,2	17,2
Нижнегорский	50,4	56,6	16,0	19,5	28,8	20,2
Первомайский	35,1	45,7	37,9	28,6	21,5	22,2
Раздольненский	41,1	49,8	40,1	30,3	13,3	15,9
Сакский	45,2	52,2	31,5	21,5	17,5	21,8
Симферопольский	49,4	56,1	23,5	15,0	22,2	25,3
Советский	48,5	53,6	22,1	13,5	22,2	28,6
Черноморский	52,8	63,1	29,3	18,9	12,7	14,8
Алуштинский горсовет	67,1	78,9	23,0	16,5	5,9	7,0
Армянский горсовет	55,7	61,3	36,2	29,5	3,5	4,5
Джанкойский горсовет	59,8	68,0	25,9	16,9	8,1	9,6
Евпаторийский горсовет	64,9	73,8	23,3	14,9	6,9	7,4
Керченский горсовет	78,7	87,3	15,4	8,5	1,9	1,7
Красноперекопский горсовет	51,0	60,5	40,9	30,5	3,0	4,6
Сакский горсовет	65,1	72,2	24,3	16,6	5,8	7,4
Симферопольский горсовет	66,7	72,4	21,3	13,1	7,0	9,9
Судакский горсовет	59,2	59,9	17,6	12,4	17,4	24,8
Феодосийский горсовет	72,2	79,7	18,8	12,2	4,6	4,3
Ялтинский горсовет	65,6	74,0	27,6	19,3	1,3	2,6
АР Крым в целом	58,2	65,2	24,3	16,0	12,0	14,9
г. Севастополь	71,6	81,1	22,4	14,2	0,5	1,5
Крымский полуостров в целом	60,4	67,9	24,1	15,7	11,7	12,6

* Крымские татары и «татары» учтены как один народ.

Составлено по: [2; 3]

Отметим весомые изменения баланса этнических идентичностей при переписи населения в Крыму (октябрь 2014 г.). Данные украинской переписи

2001 г. и российской 2014 г. сопоставимы, поскольку уровень миграционных потоков на полуостров и вовне его малозначителен. В обеих переписях этническая и языковая принадлежность определялась по самоидентификации индивидов. Но перепись 2001 г. сопровождалась протестами русских против завышения удельного веса украинцев в Крыму [2, с. 126–134]. На всём полуострове в 2014 г. проживало 2284,8 тыс. чел., из них 96,2 % назвали свою этническую принадлежность. Русские составляют 67,9 % совокупного населения Республики Крым (РК) и г. Севастополя, указавших свою этничность, украинцы – 15,7 %, крымские татары – 10,6 %. Еще 2,05 % жителей назвали себя татарами, что на порядок превышает уровень 2001 г. (0,57 %). Федеральная служба статистики приняла решение добавить к категории крымских татар всех лиц, владеющих данным языком как родным. Не указали этничность 87,2 тыс. жителей Крыма (3,8 %), что в 8 раз больше, чем при переписи 2001 г. [3, с. 121–134].

Население Республики Крым (РК) составило в октябре 2014 г. 1889,4 тыс. чел., в том числе русских – 65,0 %, украинцев – 16,0 %, крымских татар – 12,6 %, белорусов – 1,0 % (в РК проживает 175 этнических групп). Население г. Севастополя составило 395,0 тыс. чел., в том числе русских – 81,0 %, украинцев – 14,2 %, белорусов – 1,0 %, крымских татар – 0,7 % [3, с. 121–134]. В условиях конфликта многие крымские украинцы добровольно сделали выбор в пользу признания себя русскими, что объясняется относительно низкой сплочённостью и слабым владением крымскими украинцами своим языком.

Среди муниципальных образований с наибольшим удельным весом крымских татар (см. табл. 2) по-прежнему Белогорский район (34,3 % населения), Кировский (33,2 %), Советский (28,6 %), Бахчисарайский (27,6 %), Джанкойский (26,1 %), Симферопольский сельский (25,3 %), г. Судак (24,7 %). Но за 2001–2014 гг. ареал проживания крымских татар расширился. Прирост удельного веса крымских татар идёт в 21 из 25 муниципальных образований республики, причём наиболее быстро – в престижных г. Ялте, Симферополе, Судак.

Полезную информацию даёт анкетный опрос крымских татар, проведённый ВЦИОМ и Институтом социологии РАН в октябре 2015 г. Выборка исследования – 1200 чел. Крымские татары идентифицируют себя, прежде всего, как народ (81 % ответов), жители Крыма (58 %), мусульмане (51 %). Среди опрошенных 16 % назвали себя россиянами, в том числе среди поддержавших воссоединение Крыма с Россией – 36 %. В сравнении подвыборок респондентов из разных типов поселений (г. Симферополь, средние и малые города, сёла) очевидно: исламская идентичность наиболее важна для татар Симферополя (86 % ответов), в селах её отметили 49 %, а в средних и малых городах – 44 % [6, с. 60, 62, 64, 65]. Таким образом, риски конфликта идентичностей высоки и они сосредоточены в Симферополе, что объяснимо борьбой за власть и относительной депривацией. Этническая и конфессиональная идентичности крымских татар имеют высокую степень сочетаемости, среди них первична этническая.

Таблица 2.

**География расселения крымских татар* на Крымском полуострове
по переписям 2001 и 2014 гг. (в % от всего населения)**

№	Сельский район, город	2001 г.	2014 г. ¹⁹
1	Бахчисарайский район	21,3	27,6
2	Белогорский район	29,2	34,3
3	Джанкойский район	21,6	26,1
4	Кировский район	25,5	33,2
5	Красногвардейский район	16,7	21,7
6	Красноперекопский район	17,2	21,5
7	Ленинский район	29,2	17,2
8	Нижнегорский район	28,8	20,2
9	Первомайский район	21,5	22,2
01	Раздольненский район	13,3	15,9
11	Сакский район	17,5	21,8
12	Симферопольский район	22,2	25,3
13	Советский район	22,2	28,6
14	Черноморский район	12,7	14,8
15	Алуштинский горсовет	5,9	7,0
16	Армянский горсовет	3,5	4,5
17	Джанкойский горсовет	8,1	9,6
18	Евпаторийский горсовет	6,9	7,4
19	Керченский горсовет	1,9	1,8
20	Красноперекопский горсовет	3,0	4,5
21	Сакский горсовет	5,8	7,4
22	Симферопольский горсовет	7,0	9,9
23	Судакский горсовет	17,4	24,7
24	Феодосийский горсовет	4,6	4,3
25	Ялтинский горсовет	1,3	2,6
	Итого Республика Крым	12,0	14,9
	Город Севастополь	0,5	0,7
	Итого Крымский полуостров	10,2	12,6

*Крымские татары и татары учтены суммарно как один народ.

Составлено по: [2; 3]

Новейшие данные о балансе идентичностей в Крыму даёт опрос, проведённый Независимым содружеством социологов «Открытое мнение» (апрель–июнь 2016 г., выборка 1101 чел.). Респонденты в первую очередь считают себя «гражданами России» (43,1 %) и «жителями Крыма» (35,3 %), «жителями

¹⁹ В 2014 г. суммированы показатели по категориям самоидентификации «крымские татары» и «татары».

планеты» (9,4 %), «жителями города, района» (8,4 %). Гражданами Украины признали себя 1,1 %. В сравнении этнических групп считают себя в первую очередь гражданами России 52 % русских, 28 % украинцев и 8 % крымских татар. Воспринимают себя прежде всего как жителей Крыма 30 % русских, 42 % украинцев и 65 % татар. Различия этнических групп в восприятии украинской и локальной идентичностей несущественны [7, с. 11–15]. Удельный вес респондентов, считающих себя в первую очередь гражданами России, в городах Крыма – 47 %, а в сельской местности – 38 %. Региональной идентичности привержены в большей мере сельские жители (46 %), а не горожане (28 %). Соотношение идентичностей в каждой из этнических групп своеобразно, а регионализм противоречив: он может быть и резервом конструирования российской идентичности (среди русских и украинцев), и конфликтогенным обоснованием неприятия «российскости» (среди крымских татар).

Выводы

Региональное сообщество Крыма – сложносоставное с достаточно отчётливым внутренним выделением русского, украинского и крымско-татарского сообществ как наиболее многочисленных и определяющих «повестку дня» конкуренции идентичностей. Но этнические, лингвистические и религиозные размежевания отчасти компенсируются, в том числе – их территориально дисперсным размещением «внахлест», что сдерживает их конфликт. Русская этническая идентичность крымчан интегрирована в общерусскую идентичность. Наиболее слабы проявления украинской идентичности. Сложилась сложносоставная региональная идентичность крымчан. Соотносят себя с ней и русские, и значительная часть украинцев, белорусов, армян, греков, других народов. В современном Крыму русское этническое самосознание является не только основой региональной идентичности, но и смысловым «ядром» укрепления российской национальной идентичности.

Ареал расселения русских крымчан охватывает, прежде всего, крупные города – центры промышленности, торговли и финансов. Наиболее русскими по населению являются г. Севастополь и Керчь. В 2014 г. перепись зафиксировала расширение ареала русских за счёт сокращения ареала расселения украинцев, что произошло в категориях населения с двойной и неустойчивой этнической и языковой идентичностью. Одновременно на протяжении всего периода 1989–2014 гг. шло неуклонное повышение удельного веса крымских татар в населении Крыма, распространение ареала их проживания из степных и предгорных сельских районов в курортные малые города (Саки, Судак и др.), в г. Симферополе и его окрестности. Логика данных миграционных процессов типична для стран мировой полупериферии и запаздывающей модернизации.

Межэтнические конфликты наиболее вероятны по линии «славяне – крымские татары». Риски конфликтов сосредоточены в столице республики – Симферополе, что объяснимо концентрацией ресурсов власти. Зонай риска являются также степные районы в связи с их экономической депрессивностью и близостью к российско-украинской границе.

Необходима научно обоснованная стратегия интеграции Крыма и России на основе укрепления национальной идентичности, равноправного диалога этнических и конфессиональных сообществ. Ресурс её прочности – интеграция

этнических и конфессиональных групп Крыма в российское общество, совершенствование механизмов согласования и представительства групповых интересов.

Исследование выполнено в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 17-03-00802 «Конфликтотенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов».

Литература

1. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности. Крымская область. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=11.
2. Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/>.
3. Итоги переписи населения в Республике Крым / пред. редкол. А. Е. Суринов. М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. 279 с.
4. Кримський соціум: лінії поділу та перспективи консолідації (Аналітична доповідь Центру Разумкова) // Національна безпека і оборона. Київ, 2009. № 5 (109). С. 4–22.
5. Ставлення жителів Криму до імовірних загроз та до питань, які мають значний конфліктний потенціал // Національна безпека і оборона. Київ, 2011. № 4–5 (122–123). С. 27–39.
6. Мукомель В. И., Хайкин С. Р. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. М., 2016. № 3. С. 51–68.
7. Проект «Открытое мнение – Крым – 2016»: Краткий аналитический отчет по итогам исследования. М., 2016. 45 с.
8. Багров Н. В. Региональная геополитика устойчивого развития. Киев: Либідь, 2002. 254 с.
9. Швец А. Б. Конфликты ценностей в Крыму // Религия и гражданское общество: межконфессиональные и этнические конфликты в условиях геополитической конкуренции. Севастополь: Вебер, 2013. С. 277–282.
10. Шевчук А. Г. Регионализация этноконфессиональных процессов в социокультурном пространстве Автономной Республики Крым // Этнокультурные и межконфессиональные отношения в Крыму. Симферополь: ООО «Антиква», 2013. Вып. 3. С. 64–75.
11. Яковлев А. Н. Особенности локализации социокультурной конфликтности в Крыму (2011–2012 гг.) // Этнокультурные и конфессиональные отношения в Крыму. Симферополь: ООО «Антиква», 2013. Вып. 3. С. 43–50.
12. Атлас Автономной Республики Крым / редкол.: Н. В. Багров, Л. Г. Руденко. Киев; Симферополь: ЗАТ «Институт передовых технологий», 2003. 32 с.
13. Меметова Р. Ш. Формирование мест современного компактного проживания крымскотатарского населения // Проблемы материальной культуры. Симферополь, 2013. С. 105–110.

14. Муратова Э. С. Ислам в современном Крыму: индикаторы и проблемы процесса возрождения. Симферополь: Элиньо, 2008. 240 с.
15. Киселёва Н. В., Петров В. П., Мальгин А. В., Форманчук А. А. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения. Симферополь: Салта, 2015. 352 с.
16. Узнародов Д. И. Этносоциальные процессы в Крыму в постсоветский период: конфликтогенные факторы и исторические предпосылки // Известия высш. учеб. завед. Сев.-Кав. регион. Обществ. науки. Ростов н/Д, 2016. № 3. С. 60–66.
17. Численность и состав населения Севастопольского горсовета по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/sevastopol/>.

Baranov A.V.

Changes to the ethnic structure of the crimea population in the post-soviet period: identity drift and migration processes

Kuban State University, Russian Federation, Krasnodar
e-mail: baranovandrew@mail.ru

Abstract. *Changes are interpreted in the number and geography of the peoples of the Crimea in the post-Soviet period. The paradigm of constructivism was chosen as the theoretical basis of the work. The dependence of the number of major ethnic groups on the construction of a collective identity, on inter-ethnic distances, and on state policy is argued. The influence of differences in the level of urbanization of peoples on their ethnicity is revealed. The reasons for the sharp fluctuations in the number of Ukrainians in the Crimea for 1989-2014 are revealed.*

Key words: *ethnic structure of the population, changes, Crimea, identities, migrations, post-Soviet period.*

References

1. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 goda. Raspredelenie gorodskogo i sel'skogo naseleniya oblastej respublik SSSR po polu i nacional'nosti. Krymskaya oblast'. [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php?reg=11 (in Russian).
2. Chislennost' i sostav naseleniya Ukrainy po itogam Vseukrainskoj perepisi naseleniya 2001 g. [Elektronnyy resurs]. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/> (in Russian).
3. Itogi perepisi naseleniya v Respublike Krym / pred. redkol. A. E. Surinov. M.: IIC «Statistika Rossii», 2015. 279 s. (in Russian).
4. Krims'kij socium: liniï podilu ta perspektivi konsolidacii (Analitichna dopovid' Centru Razumkova) // Nacional'na bezpeka i oborona. Kiïv, 2009. №5 (109). S. 4–22 (in Ukrainian).
5. Stavlennya zhiteliv Krimu do imovirnih zagroz ta do pitan', yaki mayut' znachnij konfliktnij potencial // Nacional'na bezpeka i oborona. Kiïv, 2011. № 4–5 (122–123). S. 27–39 (in Ukrainian).

6. Mukomel' V. I., Hajkin S. R. Krymskie tatory posle «krymskoj vesny»: transformaciya identichnostej // Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny. M., 2016. № 3. S. 51–68 (in Russian).
7. Proekt «Otkrytoe mnenie – Krym – 2016»: Kratkij analiticheskij otchyot po itogam issledovaniya. M., 2016. 45 s. (in Russian).
8. Bagrov N. V. Regional'naya geopolitika ustojchivogo razvitiya. Kiev: Libid', 2002. 254 s. (in Russian).
9. Shvec A. B. Konflikty cennostej v Krymu // Religiya i grazhdanskoe obshchestvo: mezhhkonfessional'nye i ehtnicheskie konflikty v usloviyah geopoliticheskoy konkurencii. Sevastopol': Veber, 2013. S. 277–282 (in Russian).
10. Shevchuk A. G. Regionalizaciya ehtnokonfessional'nyh processov v sociokul'turnom prostranstve Avtonomnoj Respubliki Krym // EHtnokul'turnye i mezhhkonfessional'nye otnosheniya v Krymu. Simferopol': OOO «Antikva», 2013. Vyp. 3. S. 64–75 (in Russian).
11. Yakovlev A. N. Osobennosti lokalizacii sociokul'turnoj konfliktnosti v Krymu (2011–2012 gg.) // EHtnokul'turnye i konfessional'nye otnosheniya v Krymu. Simferopol': OOO «Antikva», 2013. Vyp. 3. S. 43–50 (in Russian).
12. Atlas Avtonomnoj Respubliki Krym / redkol.: N. V. Bagrov, L. G. Rudenko. Kiev; Simferopol': ZAT «Institut peredovyh tekhnologij», 2003. 32 s. (in Russian).
13. Memetova R. SH. Formirovanie mest sovremennogo kompaktnogo prozhivaniya krymskotatarskogo naseleniya // Problemy material'noj kul'tury. Simferopol', 2013. S. 105–110 (in Russian).
14. Muratova E. S. Islam v sovremennom Krymu: indikatory i problemy processa vozrozhdeniya. Simferopol': EHlin'o, 2008. 240 s. (in Russian).
15. Kiselyova N. V., Petrov V. P., Mal'gin A. V., Formanchuk A. A. EHtnopoliticheskie processy v Krymu: istoricheskij opyt, sovremennye problemy i perspektivy ih resheniya. Simferopol': Salta, 2015. 352 s. (in Russian).
16. Uznarodov D. I. EHtnosocial'nye processy v Krymu v postsovetskij period: konfliktogennye faktory i istoricheskie predposylki // Izvestiya vyssh. ucheb. zaved. Sev.-Kav. region. Obshchestv. nauki. Rostov n/D, 2016. № 3. S. 60–66 (in Russian).
17. Chislennost' i sostav naseleniya Sevastopol'skogo gorsoveta po itogam Vseukrainskoj perepisi naseleniya 2001 goda. [Elektronnyy resurs]. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/sevastopol/> (in Russian).

Поступила в редакцию 10.06.2018 г.